

Глава 1. Сомнение

Это была обычная воскресная служба. Отец Борис выслушивал короткие исповеди прихожан перед причастием. В сельской церквушке их и было-то немного — с три десятка. Но на сей раз он ощутил глубокое утомление уже после двоих исповедовавшихся. Батюшка отчётливо уловил неискренность в словах кающихся, и ему стало тяжело принимать их. Впрочем, отец Борис одумался и укорил себя за «неправедное самочувствие», набрался терпения.

Однако прошли ещё трое — бабушка и две молодые девушки, и священнослужитель почувствовал скуку вкупе с раздражением. Все вокруг него — непроходимые грешники, ничего не меняется из года в год, из недели в неделю. Они проживают будни и возвращаются к службе с новой порцией грехов.

При всей абсолютной вере в силу молитвы и всепрощения, отец Борис допустил сомнение: а что если большинство этих селян не простят там, наверху? За тяжкие грехи вроде убийства, колдовства, вступления в половые связи без любви и до венчания, идолопоклонства, зависти, беспросветной лжи непросто получить прощение без должного покаяния. Что если они тут все лгут себе и друг другу? Отец Борис не читал в глазах многих исповедующихся ни грамма истинного понимания и раскаяния. Он как праведник получит спасение, но как пастырь с такой неискренней паствой — нет.

Вот семейная пара Челноковых приближалась к отцу Борису. Сперва он, за ним — супруга. Немолодые, но детородных лет. Однако главная причина, по которой они здесь, — бесплодие. У обоих. Муж, не пропускающий мимо себя ни одной юбки, и жена, кроткая с виду, но дьяволица внутри.

— Просим прощения у Бога, что не исполнили свой священный долг, — неизменно говорил Челноков.

— Пусть Он простит наши грехи, если мы в чём виноваты, и благословит нас стать родителями, — вторила ему супруга.

Отец Борис отбросил тягостные мысли и выполнил то, что положено: благословил обоих, наказав молиться, и отправил с Богом. А сам подумал: хоть бы раз, тёмные люди, всерьёз прошли медицинское обследование! Легко уповать на Бога, коли сам плошаешь и за собой не следишь. Медицина и религия не во всём могут быть совместимы, но отец Борис допускал, что в иных случаях они обязаны идти рука об руку. Священнослужитель, однако, должен быть сильным. Терпеливым, милостивым. В конце концов, не ему решать, давать ли этой паре детей.

За горе-супругами пришла очередь Рыбакина. Односельчане от него всюду шарахались, так и в церкви держали заметную дистанцию.

— Отец Борис, я выполнил ваши указы, а на душе тяжело. Что ещё можно сделать, какую молитву прочесть?

Так и хотелось ответить, что за убийство никогда ему не получить прощения. Но долг священника обязывал сказать то же, что и всем и всегда.

— Молись, и будешь ты услышан. Спаси, Господь, — проговорил отец Борис, помазывая его и отпуская.

Священнослужитель дослушал остальных, повторяя одну и ту же процедуру, поражаясь, насколько собственные слова стали машинальными, заученными, потеряли сакральность. Сегодня, вдруг вслушавшись в то, что ему говорят, отец Борис ужаснулся: сколько грехов! Им просто было нужно прощение. Временное заглушение совести, которого хватит до следующего раза, когда всё повторится снова. Почувствовать стыд и вину (перед Богом, не перед собой или семьёй), прийти на службу в храм — и освободиться. Начать всё сначала с ещё большим упоением.

С этой поразившей его мыслью отец Борис еле довёл свою литургию до положенного завершения. Когда селяне принялись расходиться, он услышал, как две бабушки обсуждали Егоровну, местную травницу.

— Надо сходить к Егоровне, а то спину совсем тянет, — посетовала одна.

— Сходи, подлечись, — одобрительно кивнула вторая. — Заодно узнай, когда она меня примет. Хочу спросить, каким урожай будет и стоит ли мне покупать новую газонокосилку.

Старушки направились к выходу, у порога обернувшись и перекрестившись. Отец Борис застыл в немом изумлении: они теперь обсуждают свои греховные дела, даже не успев уйти за пределы храма. Что-то требовалось менять. Как можно скорее.

Батюшка постепенно отошёл от неутешительных размышлений и, казалось, вернул себе душевное равновесие, миролюбие. Но день сегодняшний приготовил для него ещё сюрпризов.

Вскоре в воскресную приходскую школу стали подтягиваться воспитанники. Отец Борис вышел их поприветствовать. Маленькая часовня служила им местом для занятий, куда и сопровождала детей матушка Ольга. То была настоятельница пожилого возраста, одной из первых предложившая отцу Борису помощь в обу-

стройстве этой церкви, которую он воздвиг с нуля. Матушка взяла на себя всю отчётно-бумажную работу, ведение хозяйства и связь с внешним миром. Он безгранично уважал её, хотя порой воспитанники считали матушку слишком строгой. Да, настоятельница Ольга редко улыбалась, что немного настораживало. Но для отца Бориса она была образцом порядка, послушания, смирения и христианской мудрости, что важнее.

— Витя, Серёжа, — отец Борис приветствовал мальчишек — двух неразлучных друзей, — родителей слушаетесь? Уроки не прогуливаете?

— Ведём себя хорошо, батюшка! — отрапортовал Витька, кучерявый сорванец.

— Ага, а кто вчера двойку словил? — тут же вставил Серёжка, сощурившись.

Он был выше Витьки, смышлённее и симпатичнее.

Друг слушался Серёжу безоговорочно. Сейчас он покраснел.

— Я, честно, готовился к алгебре, но она такая сложная! — оправдывался Витя.

Отец Борис потрепал обоих по волосам, легонько прихлопнув каждого по спине, чтобы поторапливались на занятия.

— Нехорошо ябедничать, ребята, — напоследок бросил он им.

Мальчишки ушли, бурно перешёптываясь.

— Анна, Серафима, — кивнул батюшка двум девочкам-послушницам.

Те почтённо склонили голову перед ним и поспешно скрылись в часовне.

— Машенька, — позвал Борис последнюю воспитанницу, самую сложную. Не в плане обучения и послушания, отнюдь.

Большую часть времени Маша была тихим ангелом: никуда не встревала, исполняла любые наставления и поручения, многое умела делать по хозяйству и с доброй улыбкой не раз помогала отцу Борису и настоятельнице. Но пробуждалась в ней и тёмная сторона, природу которой могли бы определить врачи, да мать была настроена категорично против медицины. «Тёмная» Мария дико кричала, крушила всё вокруг, кидалась предметами, ругалась последними оскорблениями — её невозможно было остановить или уговорить. Родительница запирала девочку дома, а в дни просветления заставляла усиленно молиться.

Отец Борис тоже молился за её здоровье, но он сейчас посмотрел на неё и с печалью осознал, что не изменится, как большинство его прихожан, и Машенька. Ей не под силу одолеть то, что жило в ней. Священник вовсе не считал её одержимой чем-то или кем-то. Именно потому и пришёл к мысли, что заставить самого себя измениться, взглянуть правде в глаза — самая сложная задача человека. Маше с её помутнённым рассудком это выполнить практически невозможно.

Священнослужитель пригладил Машеньку по плечу, выражая свою поддержку. Какая-никакая, а именно она, по его мнению, была самой старательной и искренней ученицей.

Последней возле отца Бориса задержалась Люба — семнадцатилетняя помощница в воскресной школе. Матушка Ольга лично взяла её, а отец Борис недолюбливал эту особу. Он готов был прощать ошибки воспитанникам, которым было от двенадцати до четырнадцати лет, как Серафиме. Но не Любе, которую можно было считать взрослой. Она часто приходила на службу, иногда просто постоять в храме (если отец Борис находился внутри), слушала проповеди, церковные песнопения, а недавно записалась в помощницы. Священнослужитель поначалу считал её истовой верующей, но позже переменял своё мнение на кардинально противоположное. Они заявили как-то с подругой Раисой на проповедь и шептались, поглядывая на отца Бориса, безбожно смеялись, прикрываясь ладонями. Тогда он и узрел её истинное лицо за маской праведности и безвинности. Лицо блудницы.

— Не стой, Лилит, не бреди мою душу, — проговорил батюшка, не желая снова поддаваться гневу.

— Я не Лилит, — удивлённо отозвалась та.

— Ты — это она, — настаивал отец Борис. — Матушка Ольга не видит, другие — тоже. Но меня ты не проведёшь, Люба, скрывающая в себе Лилит — первого демона.

Девушка содрогнулась, в шоке распахнув глаза. А после с плачем бросилась за территорию храма. За воротами показался Григорий, доброволец-водитель при церкви. Грише было чуть за сорок, он был гладко выбрит, а в коротких волосах прослеживалась седина. Мужчина носил серый свитер грубой вязки почти в любую погоду. Отцу Борису он нравился своей немногословностью, исполнительностью и пунктуальностью — все поручения были выполнены им вовремя и без вопросов. Читалась в нём и какая-то жизненная мудрость. А вот на службу Григорий ходил редко.

— Вы несправедливы к ней, отец Борис, — заговорил он, нарушив своё обычное молчание. — И даже, позвольте сказать правду, жестоки.

Гриша держал в руках коробку с продуктами, которую должен был сразу отнести в приходскую кухню, но отчего-то задержался.

— Я прав, Григорий, — категорично ответил батюшка, разворачиваясь, чтобы пойти обратно в храм и занять свою обитель. — Хотя и выбрал довольно суровую аналогию. Быть может, она подскажет Любе правильный путь.

— Люба — хорошая девушка, — не согласился Григорий. — Не корите её за любовь к вам. Не туда вы тратите свою праведную энергию.

— Священнослужителя нельзя ставить выше Бога, — резко отозвался Борис. — А она далеко не Христова невеста.

— Вы временами гордец, батюшка.

— Слышали бы вы, что они мне на исповедях говорят, — разоткровенничался отец Борис, пропустив последнюю фразу Григория мимо ушей. — Грешник на грешнике. Я не обращал внимания — по привычке. А сегодня как прозрел. Нехорошо мне даже стало...

— Не прозрение это, отец Борис. Заблуждение, — предостерёг Григорий.

Отец Борис снова заговорил о своём, не слыша:

— Старайся ведь ради них, направляешь к Свету. Отвернёшься на минутку — и они опять во Тьме. Грустно это. Страшно. Спаси, Господь!

Он перекрестился.

Григорий уже ушёл, пока батюшка завершал свою мысль. Вдруг мимо ворот тенью проскользнула травница Егоровна. Отец Борис поспешно вернулся к воротам и выглянул, чтобы удостовериться. Узнал бабульку, перекрестился, как при виде чёрта, почти начал защитную молитву, как та резко остановилась и обернулась, сверкая золотыми зубами и щурясь подслеповатым глазом.

— Что, батюшка, бесов изгоняешь? Так их нету! — крикнула она задиристо.

— Не смей ходить у храма божьего! — поразившись наглости её, ответил Борис.

— Ого, вот это претензии! Я, внучек, людям травами тяжёлые травмы лечу и лечила, пока тебя и на свете-то не было. Исключительно пользу делаю. Да не болтологией занимаюсь, а практикой!

— Твой дар от дьявола, окетись!

— А твой тогда от кого?

— Нет у меня никакого особенного дара, — обомлел священник.

— Ты просто не замечаешь, — хитро улыбнулась старушка. — Не хочешь видеть. Но уже на пути к прозрению.

Посмеялась и пошла своей дорогой, изгаляясь, повторяла шёпотом его «не смей ходить».

Нехорошо ему стало, и отец Борис поторопился уйти в свою почивальню в храме. Закрылся там, намереваясь лечь спать засветло и поскорее смыть остатки этого странного дня. Никогда не доводилось ему жаловаться, тем более вслух и мирянину. Что на него нашло?.. Священник оставил эти вопросы и взялся молиться, встав на колени перед своей простой кроватью, сжимая в руках икону.

* * *

Отцу Борису было всего чуть за тридцать, отчего и борода росла у него слабо да негусто. Родился он в неблагополучной семье. Вопреки родительским убеждениям верил в Бога с ранних лет, и сам записался в воскресную школу, где познавал христианские истины. Отец и мать беспощадно пили и перестали заниматься тем малым хозяйством, что имели: продали корову, лишились кур, запустили огород. А Борис верил, что однажды Бог вытащит его из нищеты, и это случилось. Он с успехом поступил в православную семинарию, а дальше был определён в монастырь. Полностью уйти от людей, правда, оказалось непростой задачей. Борис хотел поделиться обрётёнными знаниями, любовью к Христу, добрыми идеалами с другими и показать тем самым, что даже в самых худших условиях можно жить с верой. Жить, трудиться и любить. Он пробовал поговорить об этом с родителями, но те были обижены на сына за то, что тот бросил их, «променял на Бога». И тогда божий послушник решил основать свой приход. Борис убедил духовенство в этой необходимости, и те выделили ему участок в деревне, расположенной по соседству с его родным селом, и благословили на обустройство.

И всё-то у новообретённого отца Бориса получалось складно. Нашлись прихожане, помогающие в строительстве, матушка Ольга вызвалась во всём его поддерживать. Казалось, всем мечтам Бориса суждено воплотиться в быль. Он думал, что видит в глазах людей зарождающееся прозрение, стремление к Свету. Священнослужитель полагал, что его проповеди и их совместные молитвы просвещают односельчан. Но так ли это на самом деле?

Данный вопрос не давал отцу Бориса покоя со вчерашнего дня, ничего не изменилось и на следующее утро. Проведя раннюю службу, выслушав хворых, после обеда он вырвался на улицу. Священник не мог продолжать исполнять свой долг, поскольку сердце его было не на месте. Сильное волнение овладело им, и ничто не помогало избавиться от этого, усмирить свой разум, привести в порядок чувства. И, несмотря на проливной дождь, батюшка побрёл по деревне, надеясь вернуть смиренность.

Отец Борис совсем скоро весь взмок, и не от дождя, а от внутреннего жара. Он не покидал своей обители и вдруг понял, что не разбирает уже дороги, куда идёт. Посёлок не был большим, но священник запросто мог заблудиться и в трёх соснах. Он ощутил, наконец, и холод, забравшийся под рясу. Думая, как бы ему добраться назад в церковь, Борис огляделся, стараясь припомнить хотя бы примерно, куда он забрёл. Ближайшие ворота одного из селян вдруг распахнулись, и к нему вышел Григорий собственной персоной.

— Вы как тут, батюшка?

Отец Борис беспомощно развёл руками. Он устал бродить, так и не обрёл цели, да и замёрз.

— Заходите! — махнул Гриша, зывая к себе домой.

От нечего делать священник зашёл. Григорий завёл его на кухню, где подкинул дров в печь. Поставил перед батюшкой и собой по стопке, из-под стола достал водку. Отец Борис зашёлся кашлем, стопку решительно отодвинул. Гриша помычал недовольно, сходил в комнату и вернулся уже с пуховым одеялом, набросил его на плечи батюшке. Тот благодарно кивнул, кутаясь в тёплое, а главное, сухое одеяло. Помолчали. Чувствуя, что немного согрелся, Борис было поднялся с табурета, но Григорий твёрдо сказал:

— Сидите уже, отец Борис.

Священник удивлённо сел обратно. Приказного и столь уверенного тона в свой адрес он не слышал давно, оттого сразу повиновался.

— Куда вас понесло в непогоду? Поделитесь своей историей — я хороший слушатель.

— Нет у меня историй.

— Той, что толкнула вас шататься по деревне с видом, будто вы умом тронулись.

Отца Бориса бросило в холодный пот, он вздрогнул.

— Умеете вы, Григорий, с толку сбить.

— Так что случилось? — невозмутимо продолжил тот и поставил перед батюшкой стакан, куда налил горячего чая.

Отхлебнув, отец Борис решил, что самое время поделиться своими сомнениями. Ведь как ни печально, а, кроме простого мужика Григория, его и выслушать некому. Настоятельница Ольга таких размышлений не поймёт, а другим и дела нет.

С другой стороны, батюшка даже не знал, чем Григорий вообще жил, когда не выполнял поручений для церкви. Ему было известно, что он плотник, да и ничего более. Тем не менее, отец Борис счёл, что может довериться Грише. Было в нём что-то... светлое.

— Я приехал сюда с большой надеждой возвести первый храм, подарить людям шанс на обретение счастливой вечной жизни... — поведал батюшка. — Это была не самая простая затея. Меня отговаривали, но потом дали добро. И что затем? Спаслись ли местные? Ко мне на службу приходят с два, иногда с три десятка человек. На Рождество и Пасху — почти вся деревня. Но никакого просветления не вижу я в собственной пастве.

— Не судите их строго, — заметил Григорий.

Он не притронулся к водке, налил чая и себе. Выставил перед батюшкой сушек и баранок, одну из которых с удовольствием макнул в свой чай. Привкус и аромат у чая был необычный, похоже, напиток с бергамотом.

Отец Борис насупился.

— Я полагал, что прихожане поймут мои порывы и захотят чего-то достичь. Они нуждались в хорошем пастыре. Не каждый, без сомнений, сможет вести монашескую жизнь, но ведь достаточно соблюдать несколько простых праведных вещей... Но вчера я увидел, что они — слепцы, не видящие дальше собственного носа.

— Всего лишь грешники-люди?

— Люди...

— Как и вы. Никто не совершенен, но это не значит, что в вашей душе, как и у других, не живёт Бог, так? — подсказывал Григорий.

— Так... — озадачился отец Борис. — Я не должен высказываться плохо о прихожанах. Да простит меня Господь за уныние моё, — он поцеловал свой крест.

— У каждого бывают серые дни. Это пройдёт, — заметил Григорий и постучал пальцем по все ещё стоящей на столе бутылке водки.

Не страшайте меня, — поморщился отец Борис. — Вчера я позволил себе выпустить злобу, гнев — согрешил. В меня как бес вселился и завладел речью, мыслями. Это наказание за то, что я был плохим пастырем... Даже вы, человек, которого я вижу ежедневно при церкви, не ходите на мои проповеди. Значит, пастырь из меня неважный.

— У меня есть и другие обязанности, дела. Я вас уважаю, отец Борис, и качество ваших проповедей ни при чём. Вы судите слишком строго — и себя, и других. При всех ваших недостатках, я уверен, вы достойнейший человек и пастырь.

— Григорий, вы помогаете мне и матушке Ольге практически с самого начала, и я ни разу не задавал вам этого вопроса. Да мы с вами и вовсе мало общались, — сбивчиво проговорил отец Борис и спросил серьёзно: — Вы верите в чудо? В Бога?.. — его голос сам собой стих на второй фразе.

— Я верю вам, отец Борис.

Батюшка умолк, рассматривая лицо Григория.

— Так вы атеист? — осторожно уточнил священник.

— Атеист отрицает Бога, а я просто не уверен в его существовании. Вашу же позицию я уважаю, — отец Борис грустно опустил голову, а Гриша сделал паузу. — Знаете, лучший способ узнать прихожан — прийти на их территорию, — закончил он.

— Это немыслимо.

— Я знаю. Но если вы желаете понять, как вам быть, искренни они или нет, придётся выйти из церкви. В храме всякий человек старается держать лицо, понимаете? А вам нужно посмотреть их в другой ситуации, повседневной.

— И куда пойти?

— К ним домой.

— Я не могу себе представить, как хожу проповедовать в дома... — совсем смутился отец Борис. — Все церковные дела следует исполнять в храме. И я посещаю местный детский дом и больницу, но дома...

— Разве дела от этого перестанут быть церковными, если выйти с ними на улицу? — задался вопросом Григорий. — Мне действительно неловко что-то вам советовать, я с такими проблемами никогда не сталкивался и сужу с обывательской позиции. Но однажды вы уже вышли за стены монастыря и основали тут приход. Почему бы не попробовать выйти за стены храма?

— В ваших словах есть зерно истины, — не мог не признать отец Борис. — Но я не готов.

Поблагодарив хозяина дома за помощь, он поднялся и отдал одеяло.

— Отец Борис, — позвал его Григорий. Тот неловко застыл. — Если вам захочется поговорить, заходите. В любое время.

— Храни вас Господь, — ответил батюшка, чуть улыбнувшись, и оставил Григория.

Он вышел на улицу, где дождь уже прекратился. Не особенно глядя под ноги, отец Борис быстро набрёл на лужу, но абсолютно не обратил на это внимания — он спешил в церковь, где чувствовал себя в безопасности. И к прихожанам, которые, какими бы они ни были, все же приходили к своему пастырю и слушали его.

Глава 2. Бунт

Три недели спустя...

Стояла тишь да гладь. До рассвета и петушиных криков оставалось несколько минут, деревенскую благодать нарушили рёв мотора и пение громким хриплова-

тым басом. Бойкий мотоциклист подъехал к хате Григория и прыгнул на землю, пристроив своего железного коня у ворот. Он снял шлем, раскрашенный под языки пламени, выпуская вихрастый ёж вместо аккуратно подстриженных волос, серьгу в ухе. Стянул стильные перчатки без пальцев, прихватил рюкзак и гитару в чехле, да и направился к дому. На нём оставались косуха и высокие сапоги с торчащими по бокам шипами.

— Ах, Рассея моя, широка-а-я... — затянул молодой человек, проходя в дом. И умолк, заведя с порога сидящего на кухне священника рядом со своим дядей Гришей.

— Здравсьте, дядя, — поздоровался он, разглядывая странного гостя.

— Славка! — Григорий поднялся и вышел к нему, заключив в объятия. — Познакомься, это отец Борис. Отец Борис, это Слава Пеструнов, мой крестник. Родился в этой деревне.

— Не знал, что у нас есть свой священник, — сконфуженно проговорил Слава, протягивая руку для пожатия.

На его среднем пальце был крупный перстень с черепом. Отец Борис и не взглянул, а просто взял его ладонь двумя руками и энергично пожал.

— Доброго утра, Вячеслав. Правильно я назвал ваше имя?

— Правильно, но лучше, Слава.

— Год с небольшим, как я основал в вашем посёлке церковный приход, — добавил отец Борис. — Приходите и вы, Слава.

Славка расстегнул косуху, а под ней — футболка с головой дьявола. Священник охнул и отшатнулся.

— Если хотите, — вставил отец Борис.

— Я очень хочу... — Слава стушевался, прикрыв футболку.

— Что ж... — священник растерянно посмотрел на Григория, поднялся. — Мне пора.

— Увидимся, — попрощался Гриша.

— Храни и спаси, Господь, — бросил священник и ушёл, ни разу больше не взглянув на Славу.

Славка почувствовал, как вместе с ним ушло и напряжение. Снял куртку, под которой помимо провокационной футболки имелись куда более вызывающие татуировки: на левой руке — зелёный змий, поедающий яблоко; на правой — волк, воющий на луну. Они обе начинались от кистей и заканчивались у локтей.

— Помешал вашим посиделкам? — справился он у дяди Гриши. — Ты чего в такую рань не спишь-то?

— Не спится, — ответил Григорий. — Хорошо, что отец Борис согласился составлять мне компанию по утрам. Чай с ним пьём до заутрени.

— И давно ты со священником дружишь?

— Я не состою в его приходе, но дружбу вожу, да. Совсем недавно, — пояснил Гриша. — Помогаю при церкви.

— А что с твоей основной работой?

Слава никак не мог взять в толк, как это его дядька, не посещавший церковь все свои сорок с лишним лет, вдруг чаи распивает с батюшкой.

— Плотничаю всё так же, как заказы есть.

В голове у Славки не прояснилось. С дядей что-то произошло.

— Я тут кое-что привёз, — он достал из рюкзака бутылку виски. — Но если ты теперь при церкви...

— Кто сказал, что я не пью? — весело уточнил Григорий.

Славка улыбнулся — с его дядькой всё в порядке, умом не тронулся. Он потянулся за печеньем, чтобы помакать его в виски — своеобразная привычка сформировалась, пока жил вдали от деревни.

— Слушай, старик, извини, что не приехал на похороны твоей мамы, — виновато протянул Слава, вспомнив об этом после пары-тройки таких печеньюшек.

— Мы уже обсуждали это, я не сержусь.

— Ты остался совсем один... И поговорить-то не с кем... — тоскливо проговорил Пеструнов, оглядывая бесхитростные владения дяди.

Большую часть мебели Григорий изготовил себе сам, а без неё дом смотрелся бы абсолютно убого. Там и починять уж было нечего — сноси и строй заново.

— Ну, брат и сёстры, слава богу, живы-здоровы, пусть и не рядом. А здесь у меня хороший собеседник, которого ты видел.

— Не пойму, что у вас общего? Ты ж не тот, как его, не у церкви.

— Не воцерковлённый, — поправил его Григорий. — Мы когда тебя крестили, я делал всё по правилам.

— Ну, это другое, — качнулся на стуле Слава, рассуждая.

— Познакомься с отцом Борисом, и сам поймёшь, что у нас общего, — усмехнулся Гриша. — А может, и у вас найдётся. Он ведь молод.

— Ну, не знаю... — почесал он ухо, что с серьгой. — Мне всегда нравилась история Иисуса Христа, но вера и религия — сложные штуки.

Помолчали. Славка ел печенье, Гриша смотрел в свой стакан.

— А тебя можно поздравить с прошедшим днём рождения? — переключился на другую тему Григорий. — Двадцать восемь моему крестнику, ага?

— Ага, — кивнул притомившийся Славка. — Давай не об этом. — Он придвинулся поближе к стенке. — Расскажи лучше, что в селе происходит, как что. Я у тебя недолго поживу, лады?

— Ну конечно.

Дядя Гриша поведал крестнику о новостях села да о своих текущих делах. Славка слушал-слушал, да и сморило его в сон, о себе так и не успел ничего сказать. А дядька и не тревожил, понимая, что не стал бы парень приезжать назад в село, будь у него всё в порядке. А значит, поделится ещё.

* * *

Отоспавшись на дядькиной тахте, на которую тот его, видимо, и дотащил, Слава подкрепился и отправился по деревне пройтись. Тем более что Гриши дома не было.

Пеструнов шёл по улицам, которые за десять лет его отсутствия не изменились. Так, кое-где дома перестроили да покрасили, асфальт проложили местами, Дом культуры обновили. И, конечно, жители поменялись: взрослые постарели, молодые завели детей, а иные уехали восвояси, как и он, или умерли. Хотя вот некоторые остались верны себе.

— Это кто у меня тут цветы топчет? — кудахчущим голосом заверещала рядом бабулька.

Славка засмотрелся, задумался и не заметил, как наступил на маленькие цветочки у одной из оград.

— О, Ульяна Васильевна, — признал он её. Старушка была в платке и шерстяной кофте поверх халата, а на ногах при этом — простые тапки. — Не холодно вам?

— Некогда мёрзнуть, коли работа стоит, — ворчливо отозвалась та.

Слава усмехнулся: вроде и жил совсем не рядом с Ульяной Васильевной, а запомнил её надолго за строгий нрав и неуёмную активность. Будь то праздничные гулянья, грядущие выборы или всеобщий сбор средств на ремонт школы — баба Уля всегда впереди и громче всех.

Она прищурилась, внимательно осматривая куртку Славы. На рукавах у него имелись нашивки с известными рок-звездами разных лет. Бабуля дотронулась до одной из них.

— Ишь ты, страшный какой, — проговорила она. — А ты кто будешь?

— Слава Пеструнов я. Вырос здесь, приехал дядьку навестить.

— А-а, Пеструнов... — стало ясно, что фамилии такой она не помнила, хоть и сделала вид, что узнала. Славка вздохнул. — И кто ты, панк или металлист?

— Ого, какие познания! — уважительно покивал Слава.

— А то! Телевизор-то все смотрим, двадцать первый век, — многозначительно произнесла Ульяна Васильевна.

— Да я не тот и не другой, бабушка. Альтернативщик я.

— Ох ты, Господи, — перекрестилась старушка и заторопилась уйти за ворота, сетуя себе под нос на помятые цветы.

— Бабуль, а как вам пастырь? — решил узнать он постороннее мнение.

— Пастырь? Это отец Борис? — задержалась бабушка. — Хороший, внимательный. Вне церкви только от людей шарахается, боится будто чего-то. Вот и к Машеньке всё никак не придёт, а ведь мать просит...

— К какой Машеньке?

— Девочка по соседству, — указала баба Уля на зелёный дом рядом. — Со всем больная, несчастная девочка. Когда в сознании, так сама в церковь ходит, занимается там. А как бес ею овладевает — никому спасу нет. Бедная мать...

Славка утратил интерес к рассказам бабушки, и сам потихоньку отошёл да продолжил прогулку. Люди тут в посёлке казались милее, вежливее, приветливее столичных. Он уж отвык от простоты, что была свойственна здешним жителям. Многие перестали собираться за пределами своих оград, но те лица, что встречались ему по пути, по-прежнему были светлыми, добродушными. Жители большого города одаривали соседей угрюмыми взглядами исподлобья. Славе дышалось в деревне свободнее. И, несмотря на грязь вокруг, отсутствие развлечений и разнообразного досуга, ему нравилось тут. Сколько бы люди ни судачили друг о друге, они готовы были бескорыстно прийти на помощь и постоять горой за своих. И их не волновали материальные блага: большие дома, крутые машины, вещи из дорогих бутиков. Слава внутренне оставался таким же, но ему не хватало этого и в других людях. Если бы не амбиции и не мечты, он с удовольствием не уезжал бы из посёлка никогда. Устроился бы зоотехником, как хотела мама, встретил достойную женщину, например из доярок, и родила б она ему четверых ребятишек, не боясь испортить фигуру и не подсчитывая каждую заработанную им копейку. Но тут либо семейное счастье, либо та творческая карьера, которую он построил.

Славка заметил двух симпатичных девчонок. Одна — пухленькая, другая — стройная. Приглянулась ему вторая, хотя он был не прочь познакомиться и с первой. Никакого у них искусственного загара, никаких искусственных грудей, тонн косметики, а здоровый цвет лица, простая одежда, горящие глаза — то что надо!

— Девчонки-красавицы, — подкатил Слава к стройняшке, — куда торопитесь?

Они хихикнули, переглянувшись.

— У меня группа в Питере, по всей стране гастролируем и стадионы собираем, — радостно известил он их. — Неужели не узнаете?

Он улыбнулся неестественно широко, словно для обложки журнала.

— Так то в Питере, — усмехнулась девушка.

— И по всей стране, — добавил Слава, огорчаясь, что не покорил её. — Местная легенда, а вы и не цените.

— Ну не расстраивайся, легенда! — подключилась вторая. — Ты неплох собой... Как звать-то?

— Славка.

— Рая.

— А подружка?

— Ты на Любку не смотри, она у нас в священника влюблена.

— Райка! — вспыхнула Люба и отбежала вперёд, но не ушла совсем.

— Правда влюблена? А он женат? — Слава уже в третий раз слышал о священнике и узнавал всё более новое и интересное.

— Ему вроде бы нельзя.

Пеструнов оставил девушек, пообещав найти их позже, тем более что Люба совсем утратила к нему интерес, а Рая теперь его не устраивала — после слов о вероятном сопернике он почувствовал азарт и желание очаровать именно Любу.

Слава прогулялся до противоположного края деревни, где располагался и храм. Никаких позолоченных куполов, богато украшенных витражей — простая церквушка, разве что не деревянная. Он не стал близко подходить, не решил пока, хочет ли побывать внутри, а развернулся и пошёл обратно до дядиного дома. Однако у Дома культуры заметил вдруг несколько селян, окруживших не кого иного, как отца Бориса. Перед священником был стол с кастрюлей, из которой тот черпал суп: он раздавал страждущим еду. Пеструнов хмыкнул, собираясь пройти мимо. По его мнению, это была странная затея, с учётом того, что всякий любит бесплатно поесть, а уж в посёлке таких навалом. Так и разбаловать деревенских лодырей недолго.

Но Славе не удалось уйти — его окликнули:

— Славка!

Рыбакин собственной персоной — тот, кого Славе меньше всего хотелось бы видеть. Один из тех знакомых, которых лучше не знать. Но Рыбакин был одноклассником Пеструнова, и они даже дружили прежде, потому разговор был неизбежен. Приехав сюда, Славка надеялся, что большая часть его бывших товарищей разъехалась, как и поступали выпускники здешней школы, но с Рыбой это едва ли было возможно.

— Ты чего здесь? — спросил Слава, неохотно останавливаясь возле бывшего друга, который не знал, что стал бывшим.

Небритый, дурно пахнущий, в каких-то лохмотьях, Рыба лишь отдалённо напоминал себя прежнего, потому задерживаться рядом с ним ещё хоть на минуту Пеструнов решительно не желал.

— Да вот, коли бесплатно кормят, чё не поесть? — хихикнул Рыба.

У него в руках была пустая, но грязная тарелка. То ли он уже получил свою порцию и стоял за второй, то ли принципиально не пользовался водой, чтобы очистить посуду.

— Действительно... — не нашёл что возразить Славка.

— Струнный, ты как у нас? Надолго? — заметно оживился Рыбакин.

Он почесал нос грязным пальцем, и Слава разглядел на костяшках татуированную надпись «Рыба».

— Нет, — мотнул головой Пеструнов, делая шаг назад от не меньших забулдыг, чем Рыба, что толпились в очереди. — Имя своё подписал, чтоб не забыть?

— Ну да, а то знаешь, как оно бывает...

Слава знал, да вспоминать не хотел. Рыбакин — это была крайняя степень того, каким мог стать и Пеструнов, но он пока, к счастью, умел вовремя остановиться и избежал подобной участи. От алкоголя, правда, было уйти не так-то просто, но Слава старался.

Очередь Рыбакина подошла, он утратил интерес к общению и жадно взялся уплетать полученный суп прямо руками, прихлебывая бульоном. Пеструнова передернуло.

— Присоединяйтесь, — приглашающим жестом предложил отец Борис, завидев его.

— О нет, я не стану отбирать еду у по-настоящему нуждающихся... — Славка хотел употребить другое слово, глядя на собравшихся, но не стал материться при священнике. — Вы сами готовите?

— Нет, — усмехнулся священник. — Матушка Ольга постаралась для этих добрых людей. — Пеструнов отвернулся, намереваясь уйти. — Слава, вы мне не поможете?

Обращение отца Бориса к нему удивило Славку, и он обернулся с вопросом в глазах.

— Я? — озвучил он своё недоумение.

Пеструнов полагал, что отпугнул батюшку своим видом, однако тот совсем не выглядел испугавшимся, хотя Слава и не переодевался.

— Мне ещё нужно зайти с этим поздним обедом к больным. Вдвоём было бы сподручнее, если вы не заняты.

— Нет, не занят... — растерялся Слава. — Ладно.

— Дорогие братья и сестры, оставим же немного еды и для других ваших собратьев, — обратился к очереди, что никак не кончалась, отец Борис, закрывая кастрюлю крышкой.

— Батюшка, а как же мы? — спросил кто-то из толпы.

— Ты приходишь всего раз в две недели, а в больницу каждый день! Где твоя хваленая божья справедливость? — выкрикнул второй.

Отец Борис побледнел, плотнее прижимая крышку, которую уже норовил отобрать стоящий ближе всех наглый пузатый мужик в майке и драных штанах. За ним едва держалась на ногах женщина, которая негромко подначивала его забрать не только крышку, но и кастрюлю. Славка обалдел от такого неуважения народа к своему же священнику. Он прекрасно представлял себе, какой бардак развернётся дальше. Они, конечно, вряд ли являлись прихожанами, но отца Бориса-то знать должны и относиться как к своему, а не чужому.

— Братья и сестры, нам нужно быть человечными и уметь делиться! — отец Борис мягко отстранил загребущие руки мужика. — Вашему фельдшерскому пункту, где содержатся больные, не хватает средств.

— А мы что, хуже них? — заорали люди. — Долой этих немощных, сильный побеждает слабого!

— Это ведь ваши соседи...

Славка смотрел, как у мужчин чешутся кулаки, а у женщин в глазах пробуждается жажда крови. Рыбакин хищно поглядывал на него, собираясь увлечь за

собой. Но Пеструнов и не думал помогать в создании хаоса. У него, в отличие от этих людей, были принципы и чёткие понятия о том, что недопустимо.

— Эй, вы, вечно голодные, а ну расходитесь! — громко заявил Слава.

— А ты что за чёрт такой выискался? — ополчились на него.

— Это кореш мой! — крикнул Рыбакин. — Струнный, давай лучше с нами, отстоим свои права.

— Ты свои права уже отъел! — пылко бросил ему Слава. — Как и вы! — остальным. — Человек для вас постарался, доброе дело сделал, а вы в него плюете. Ну-ка, взяли и разошлись по-хорошему!

Он видел их горящие ненавистью глаза, но и не думал отступить.

— Поколотим этого слюнтя и возьмём своё! — предложил пузатый мужик.

Ему хором ответили: «Да!» Славка принялся закатывать рукава куртки, в это время отец Борис вышел и загородил его собой.

— Не нужно насилия, — сказал он. — Забирайте что хотели, а мы уйдём.

— Батюшка, — воспротивился Пеструнов, выходя из-за его спины, — я хочу защитить ваше достоинство!

— Нет, Слава, мне такая защита не нужна.

Рыбакин погрозил Славке кулаком. Пеструнов почти показал тому средний палец, но отец Борис вовремя опустил его руку.

— Ради Христа... уйдём, — шепнул он.

Глаза, полные мольбы, заставили Славу передумать воевать и послушаться здравого смысла — священника. Более двух десятков жителей уже занялись опустошением кастрюли, позволив отцу Борису и первому их на селе врагу уйти.

Они отошли на достаточное расстояние, чтобы не ощущать злобных взглядов в спину и не слышать чавканья. Славка злился, но не на них, а на отца Бориса, что позволил им так с собой обращаться, а ему не дал защитить себя. Обидно было за это. Тем не менее, наблюдая за возвращающимся к батюшке умиротворением и за лёгкой улыбкой на его устах, он и сам угомонился. Пеструнов даже не осознал, что они движутся к церкви, и он почему-то всё ещё не оставил священника одного.

— А как же больные? — спросил Слава.

— Слава Господу, что их всего пятеро сейчас, — ответил батюшка. — Матушка Ольга успеет сварить для них кашу вместо супа.

— Я не помню, чтобы в нашей больничке кто-то, кроме родственников, носил еду. Там кормили и вовсе всего дважды, да так отвратно, что легче было доползти до дома самому. У меня так было, когда я сломал ногу. Плевал на все режимы и боль, плёлся домой за нормальной жратвой, а потом обратно за уколами.

— Поэтому мы и предложили помощь. Медики не против, — с улыбкой ответил отец Борис. Они остановились у низеньких ворот церкви. — Продуктов и средств на них, правда, не всегда хватает. Но ничего, прихожане более понимающие, чем эти на площади... Помогают содержать и церковь, и своих односельчан, временно недееспособных. Районная администрация тоже выделяет нам средства.

— А местная?

— Местный глава — неверующий, так что ждать помощи не приходится, а просить ни к чему.

— Я понимаю, больных кормить, а этих-то обормотов зачем? Это же первые бездельники, которые только и ждут бесплатной подачи. Они неблагодарные.

— Ваш крёстный тоже часто об этом говорит, — усмехнулся батюшка. — Однако Христос учил не отворачиваться от слабых духом, а помогать им. Я совсем недавно начал раздавать еду на улице. Поначалу приходило меньше людей, и про-

блем не возникало. Но очереди стали длиннее. Придётся что-то придумать, как это разрешить. Вы вмешались вовремя и вели себя смело, но такие методы не подойдут.

— Против быдла именно такие и подойдут, — возразил Слава, выражаясь напрямую, в лоб. — Вы их развращаете. Они и без того ничего не делают, а станут ещё хуже.

— Я так не думаю, — ответил отец Борис, но прозвучало не очень уверенно.

— А надо бы, — добавил Слава.

Он успел окончательно остыть, и робость перед человеком в рясе начала к нему возвращаться. Особенно после того, как Пеструнов практически отчитал его. Он не считал себя верующим, хотя и знал Библию, тянулся к ней, потому и испытывал почтение к священникам. Однако определённого мнения насчёт религии у него пока не сложилось. Как и отношения к деятелям церкви. У него был негативный опыт общения с попами, чего он ждал и от отца Бориса. Но узнавая его всё больше и больше, Слава убедился, что этот священник другой. И с ним в самом деле хотелось говорить, хотя их точки зрения различались. Возникало совсем новое чувство к батюшке и религии, которого Пеструнов пока не осознал, потому немного боялся и робел. Весьма личный вопрос также вертелся у Славы на языке.

— Вы с Рыбакиным приятельствуете? — спросил отец Борис внезапно.

— Да с таким другом и врагов не надо. Были когда-то хорошо знакомы, — честно сказал Слава.

— Он — в моём приходе.

— Серьёзно? А за еду готов был первым бросить в вас камень.

— Я знаю, что он не самый искренний прихожанин... Другие верующие его обходят стороной. У меня были сомнения насчёт веры каждого из них. Но на самом деле даже Рыбакин верит, просто не может побороть свои искушения, — поделился отец Борис, поражая своей откровенностью. — Поэтому я в большей степени верю в людей, в их доброе начало. Столкнувшись с теми, кого не встречал на службах, я стал больше ценить своих прихожан, — добавил батюшка. — И по-другому взглянул на мирян в целом. Вот для чего я выхожу кормить обездоленных на улицу — они все заслуживают шанса на любовь и внимание. Только таким образом мой диалог с ними, не посещающими мою церковь, возможен. Даже если они меня пока не слышат.

— Батюшка, ради куска хлеба они растерзают вас, как волки, — проговорил Слава. Речь священника воистину вдохновляла, но Пеструнов не мог согласиться с ним — он знал эту реальность с изнанки. — Придумайте другой способ общения. Я серьёзно, долго вы не проживёте.

— Я не хочу отворачиваться от них, когда только-только повернулся... — озадачился отец Борис. — Но нужно хорошо подумать, правда. Зайдёте в церковь?

— В другой раз.

Слава почувствовал, как першит в горле. Он и не знал, чем объяснить, почему не может переступить порог, но это действительно казалось трудной задачей.

— Мне нужно продолжить с больными. Вы всё ещё готовы помочь?

— Вам же ещё готовить? Давайте я приду позже.

— Да, думаю, уйдёт около часа. Будет хорошо, если вы придёте, Слава. С вами интересно вести беседу.

— Взаимно, — не стал кривить душой Пеструнов. — До встречи.

Он спешил полакомиться своим особым печеньем и чем-нибудь посущественнее. Недавний запах супа разбудил его аппетит...